

БЕЖЕНЦЫ

Т О М 3 • № 1 3 6 • 2 0 0 4

Фотоотчет
ЗАПАДНАЯ
САХАРА

СУДАН Кризис в Дарфуре

UNHCR
The UN Refugee Agency

Редактор:
Рэй Уилкинсон

Редактор французского издания:
Мунира Скадрини

Автор:
Дженифер Пагонис

Помощник редактора:
Вирджиния Зекрия

Фотоотдел:
Сьюзи Хоппер, Анна Кельнер

Макет-дизайн:
Vincent Winter Associates

Техническое исполнение:
Франсуаза Жаку
Ромен Леонардуцци

Отдел распространения:
Джон О'Коннор, Фредерик Тиссо

Карты:
Сектор картографии УВКБ ООН

Исторические документы:
Архив УВКБ ООН

Журнал **"БЕЖЕНЦЫ"** издается Отделом общественной информации Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Взгляды, выраженные авторами, не обязательно отражают взгляды УВКБ ООН. Используемые обозначения и карты не подразумевают выражения какого-либо мнения или признания со стороны УВКБ ООН в отношении юридического статуса той или иной территории или ее органов власти.

Редколлегия журнала **"БЕЖЕНЦЫ"** оставляет за собой право редактировать все статьи перед их публикацией. Статьи и фотоснимки, не защищенные авторским правом, могут перепечатываться без предварительного разрешения. Просьба при перепечатке ссылаться на УВКБ ООН и на фотографа. Фотографии на глянцевой бумаге и дубликаты слайдов фото, не защищенные авторским правом ©, могут предоставляться только для профессионального использования.

Издания на английском и французском языках печатаются в Италии компанией AMILCARE PIZZI S.p.A., Milan.

Тираж на английском, арабском, испанском, итальянском, китайском, немецком, русском и французском языках – 283 700 экз.

На русском языке издается ЗАО "Интердиалект+", Москва; тел.: (095) 292-57-34.

Ведущий редактор: А. Рабинович
Редактор: Е. Архипова

ISSN 0252-791 X

На обложке: Суданские беженцы ютятся в относительно безопасном соседнем Чаде.
UNHCR / В. HEGER / DP / TCD-2004

На последней стр. обложки: Беженцы из суданской области Дарфур обрели безопасность и пристанище в лагере Гоз-Амер в Восточном Чаде.
UNHCR / Н. CAUX / DP / TCD-2004

UNHCR
P.O. Box 2500
1211 Geneva 2, Switzerland
www.unhcr.ch

4 В Дарфуре перед УВКБ ООН стоит практически невыполнимая задача — обеспечить защиту перемещенных лиц там, где почти нет безопасных мест.

19 В места, куда пришли войска ООН, возвращаются либерийские изгнанники. УВКБ ООН приступило к осуществлению согласованных с общинами проектов по восстановлению основных услуг, чтобы дать людям хотя бы скромный доход.

22 Когда УВКБ ООН начало свою пяти-дневную программу семейных визитов для восстановления контактов между беженцами и их оставшимися в Западной Сахаре родственниками, перспектива встречи после разлуки вызвала и слезы радости, и опасения.

БЕЖЕНЦЫ

№ 1 3 6 - 2 0 0 4

4

ТЕМА НОМЕРА

В Дарфуре, опустошенной местности на западе Судана, нагромождению ужасов нет конца: боевики-джанджавиды нападают на мирных жителей, совершая вопиющие нарушения прав человека. Дарфур — мрачное напоминание о непреходящей способности Африки порождать гуманитарные катастрофы, вызванные действиями людей.
Китти МакКинзи

12

ДНЕВНИК: ВОСТОЧНЫЙ ЧАД

Как гуманитарные работники пытаются справиться с ежедневными трудностями в условиях чрезвычайной ситуации.
АННЕ-КИРСТЕН ГАРБЕ

15

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Память о невероятно жестоком десятилетии преследует народ, отчаянно жаждущий мира.
АННЕТТЕ РЕРЛЬ

19

ЛИБЕРИЯ

Кошмар еще не кончился, а тысячи либерийских изгнанников уже "голосуют ногами" за будущее своей страны.
ФЕРНАНДО ДЕЛЬ МУНДО

22

ФОТООЧЕРК О ЗАПАДНОЙ САХАРЕ

Когда разлученные вот уже почти три десятилетия семьи могут ненадолго пообщаться в рамках программы семейных визитов УВКБ ООН, накал эмоций очень высок.
Сьюзи ХОППЕР

30

ДОСЛОВНО

31

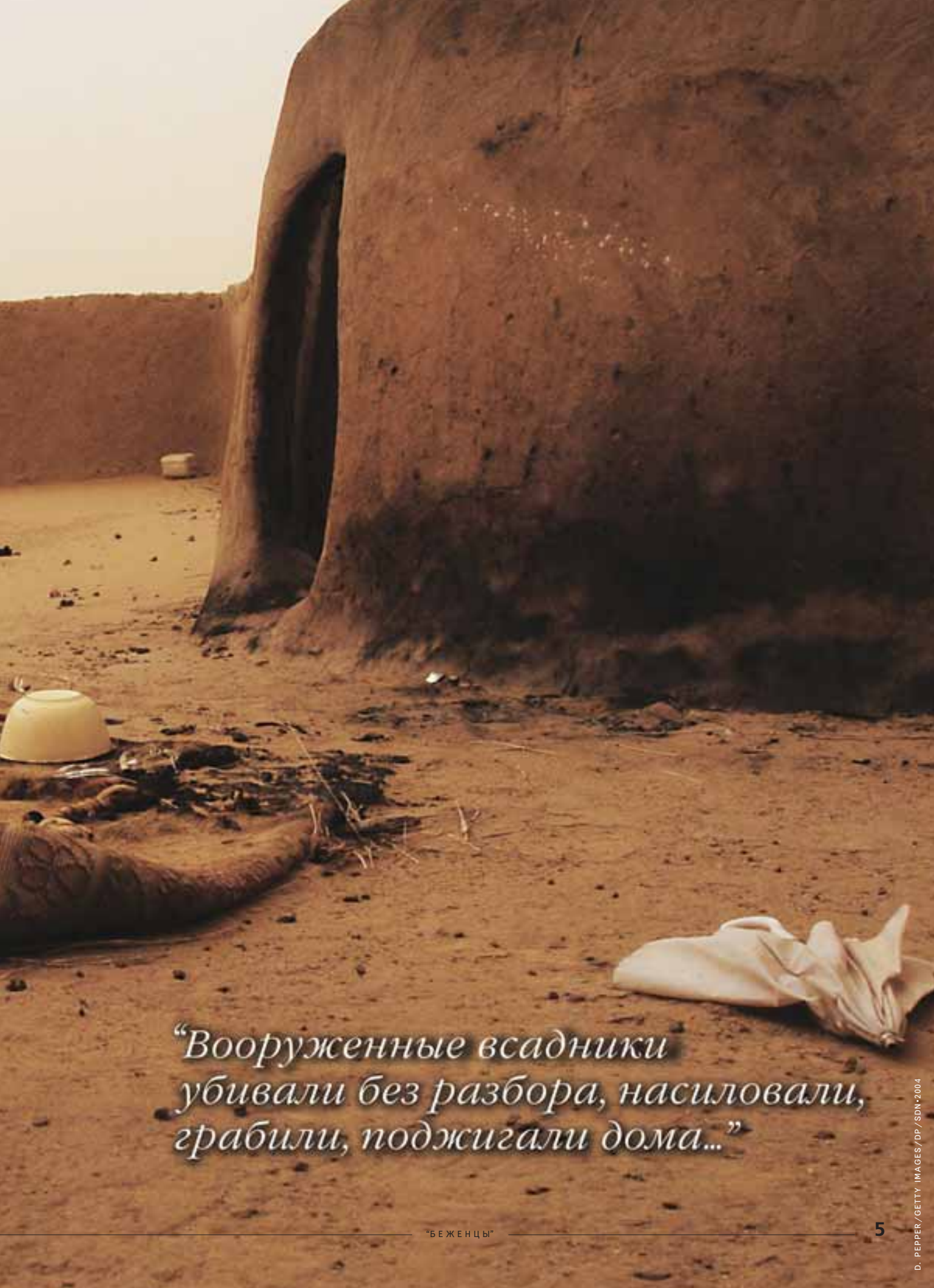
ВОПРОСНИК

Журнал "Беженцы" ждет ваших мнений.

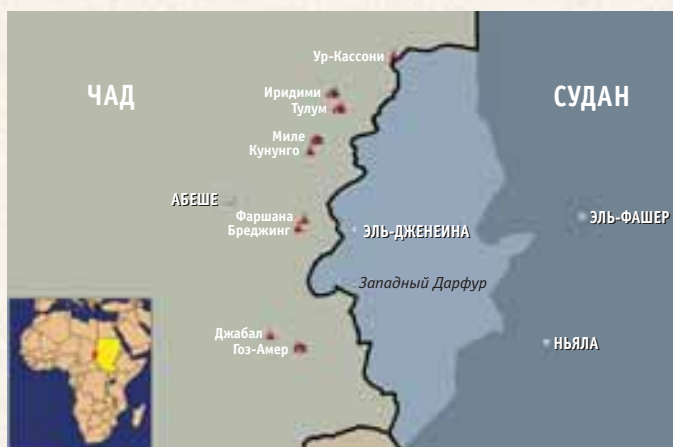

ДАРФУР

Острейший на сегодняшний день гуманитарный кризис

*“Вооруженные всадники
убивали без разбора, насиловали,
грабили, поджигали дома...”*

Китти МакКинзи

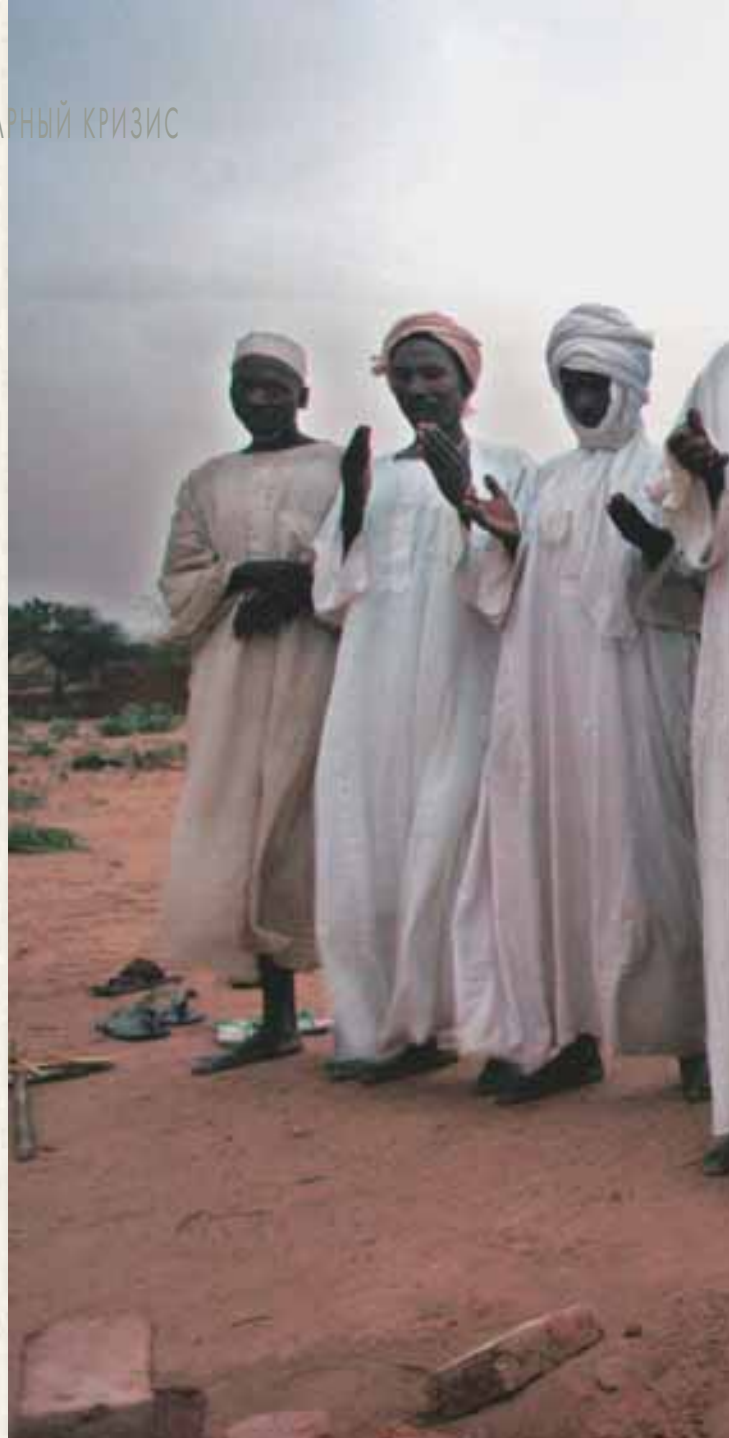
масштабах убийств, разрушений и тотального террора, обрушившихся на западный район Судана Дарфур, дает представление “усадьба”

семейства Бабикиера Яхьи. Этот 70-летний патриарх и пять членов его большой семьи ютятся в крохотной лачуге из соломы под соломенной же двускатной крышей. Двенадцать других членов семейства живут в двух расположенных в нескольких метрах от убежища круглых низких сооружениях размером со стол в какой-нибудь европейской или американской кухне. “Стенами” у них служит воткнутый в песок плетень, заткнутый сухими листьями, чтобы хоть символически отгородиться от бескрайней пустыни. Ни у одного из этих строений нет крыши. Поздно ночью, разбуженные потоками сезонного ливня, все 18 членов семьи устремляются в более прочный глинобитный дом, чтобы там, сгрудившись в тесноте вместе с десятками других людей, переждать непогоду.

Тот факт, что семья Бабикиера предпочитает свои жалкие лачуги в лагере Дорти для перемещенных лиц на окраине Эль-Джебелы, столицы Западного Дарфура, своему уцелевшему дому среди возделанных полей всего в нескольких километрах отсюда, достаточно красноречиво говорит о пережитых ими ужасах.

Как и свыше миллиона других перемещенных лиц, появившихся за 18 месяцев разгула насилия в Дарфуре, семья Бабикиера была изгнана из своего дома в деревне Шарикен вооруженными всадниками, которые убивали жителей деревни без разбора, насиловали женщин, грабили и поджигали глинобитные дома.

Бабикиер, худой седобородый мужчина в традиционной белой, теперь испачканной одежде и плотно надетой белой шапочке, рассказал, что похоронил трех своих убитых во время нападения соседей и до сих пор считает себя одним из самых везучих людей

“ОНИ СОРВАЛИ СИДЕВШЕГО У МЕНЯ ЗА СПИНОЙ”

в Дарфуре. Оказавшись лицом к лицу с одним из всадников, он остался жив только потому, что автомат боевика дал осечку.

“Он направил ружье на меня, — рассказывает, жестикулируя, Бабикиер. — Хотел меня убить. Я видел, как он прицелился, чтобы выстрелить, но вышла осечка. Воспользовавшись этим, я убежал”. Хотя его дом не был сожжен, Бабикиер понял: жить в деревне Шарикен больше нельзя. “Я не вернусь туда, — твердо говорит он, положив руку на плечо одной из своих внучек. — Арабы не пустят нас. Если я вернусь, они меня убьют”.

РУКОВОДНАЯ КАТАСТРОФА

В то самое время, когда после 21 года гражданской войны в Южном Судане появилась надежда на мирное урегулирование, перспективу безопасного воз-

Родственники оплакивают годовалого Али, умершего от недоедания в наспех созданном лагере близ Эль-Джебелы.

M. LONGARI/AFP/GETTY IMAGES/DP/SDN-2004

МОЕГО РЕБЕНКА И КОГДА УВИДЕЛИ, ЧТО ЭТО МАЛЬЧИК, УБИЛИ ЕГО У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ”.

вращения домой из соседних стран 500 тыс. южносуданских беженцев омрачил разгул насилия в Дарфуре, беднейшей территории – размером с Францию – на западе этой крупнейшей африканской страны.

ООН охарактеризовала события в Дарфуре как острейший гуманитарный кризис в мире, причем вызванный действиями людей. Боевики *джанджавиды* сделали своей мишенью мирных жителей, совершая вопиющие нарушения прав человека.

Многие очевидцы рассказывают схожие ужасающие истории. *Джанджавиды* врываются в деревни на своих пикапах либо верхом на верблюдах или лошадях. Паля из немецких автоматов Г-3 со скорострельностью 600 выстрелов в минуту, они убивают мужчин, угоняют скот – главное богатство дарфурцев и грабят дома. В довершение всего, чтобы окончательно

но отбить у жертв охоту вернуться в места, где совершались такие злодеяния, нападающие систематически насилюют женщин и сжигают дома, превращая большинство деревень в груды обугленных развалин.

В сельской местности здесь уже почти не осталось жителей. Те, кого изгнали из своих домов – а это больше половины населения, насчитывающего 1,7 млн. человек, – нашли сейчас прибежище в убогих, наспех сооруженных лагерях, разбросанных вокруг главных городов региона. К середине августа около 180 тыс. дарфурцев бежали в соседний Чад, где УВКБ ООН, чтобы приютить большинство из них, развернуло несколько лагерей беженцев.

Правительство Судана заявляет, что оно борется с мятежом, начавшимся в феврале 2003 г., когда две группировки (“Освободительная армия Судана” и

У УВКБ ООН ПРАКТИЧЕСКИ НЕВЫПОЛНИМАЯ ЗАДАЧА – ЗАЩИЩАТЬ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ

“Движение за справедливость и равенство”) взяли за оружие в знак протеста против осуществляемой, по их мнению, Хартумом экономической маргинализации Дарфура.

НАГРОМОЖДЕНИЕ УЖАСОВ

По всему опустошенному Дарфуру один ужас нагромождается на другой, превосходя самое изощренное воображение любого сумасшедшего голливудского сценариста.

Хава Исхак, молодая мать, которая и сама точно не знает, сколько ей лет – что-то около 20, была на девятом месяце беременности, ожидая своего второго ребенка, когда *джанджавиды* появились в ее деревне Каилейк в Западном Дарфуре. “Они избивали меня до тех пор, пока не случился выкидыш”, – горестно рассказывает она. Словно этой трагедии мало, ее первый ребенок, совсем малышка, умерла,

когда они с мужем, которому сломали обе руки, добрались до города Кас.

“Они сорвали сидевшего у меня за спиной моего ребенка (четырехлетнего) и когда увидели, что это мальчик, убили его у меня на глазах”, – рассказывает Калтум Харун, тоже жительница Каилейка. – Я хотела взять своего сыночка с собой, чтобы похоронить его, но мне даже не позволили забрать его тело”.

Но худшее было еще впереди. “Потом у меня на глазах застрелили моего брата и мужа”, – продолжает Калтум. – И мне опять пришлось бросить тело, теперь уже мужа. Я ничего не могла поделать”. Бандиты отобрали у нее всю одежду, и она, сумев убежать, голая, добиралась почти девять часов до относительно безопасного города Кас. А ее единственный оставшийся в живых ребенок, маленькая девочка, трагически умерла в неразберихе лагеря для перемещенных лиц.

F. ZIZOLA / MAGNUM PHOTOS / DP / SDN+2004

В РЕГИОНЕ, ГДЕ ПОЧТИ НЕТ БЕЗОПАСНЫХ МЕСТ.

В свои 20 лет Калтум перенесла столько страданий, сколько большинству людей не выпадает за всю жизнь. Выйдет ли она снова замуж? Горькая гримаса пробегает по ее лицу при этом нелепом вопросе. “Я не выйду снова замуж. Они убили всех мужчин. Где я найду себе мужа?”

62-летний Исмаил Абдель Карим не согласен с утверждением, что *джанджавиды* убивают только мужчин и шадят женщин. “Они убивают всех, кого найдут, – с ожесточением произносит он. – Им все равно, мужчины или женщины”. Он хорошо помнит день, когда напали на его деревню, – 10 марта 2004 года. “Мы мирно жили в своей деревне. И не знаем, почему они напали на нас. Мы были у себя дома, а они пришли и стали убивать нас”.

Когда всадники ворвались в город, его старшему сыну удалось бежать. “Они спешили возле нашего дома. Я сидел на земле вместе со своими дочками.

Они застрелили обеих. Одна была замужем, другая – совсем юная. Потом выстрелили в меня”. Он поднимает правую руку, показывая огромный шрам, оставленный прошившей навывлет его предплечье пулей. Когда боевики уехали, ему удалось остановить кровотечение, наложив на рану компресс из коры местного дерева. Продолжая оплакивать гибель своих дочерей, он сражен насилем, обрушившимся на его край. “Я не имел никакого отношения к вооруженной борьбе. Я возделывал землю”.

Амина Мохаммед, 39-летняя крестьянка и мать шестерых детей, в ярко-розовом платье и в платке, сидя на земле в лагере Калма к юго-востоку от Ньялы в Южном Дарфуре, рассказывает о том, как *джанджавиды* однажды явились в ее деревню.

“Они убили всех моих родных в нашем доме, убили пятерых мужчин, бах, бах, бах, бах, – изображает она жестами и голосом стрельбу. – Они убили пятерых из моих братьев – Юсифа, Яхью, Хуссейна, Бакра и Адама. Теперь у меня остался только один брат”.

Люди, пережившие трагедию, рассказывают свои истории почти без эмоций, словно этот кошмар случился с кем-то другим. Может быть, они все еще в шоке. А может, они столько перенесли, что на эмоции уже нет сил. Или же им так хочется просто дожить до завтрашнего дня, что они не могут позволить себе роскошь задумываться об утратах.

ВРАЖДЕБНАЯ ОБСТАНОВКА

К тому же, как им хорошо известно, жизнь здесь всегда была жестокой. Обстановка, в которой работают УВКБ ООН и дру-

гие гуманитарные организации, враждебна в полном смысле этого слова. Испепеляющая жара (до 55 градусов выше нуля) в лишенной какой-либо тени пустыне чередуется с бурными сезонными дождями, которые заливают укрытия многих перемещенных лиц и делают непроходимыми и без того плохие дороги.

Уступая международному давлению, Судан разрешил мировому сообществу попытаться хотя бы ослабить гуманитарную катастрофу в этой стране. Но оказывать даже такую помощь очень нелегко.

У УВКБ ООН практически невыполнимая задача – защищать перемещенных лиц в регионе, где почти нет безопасных мест (на карте ООН обозначены только три вида территорий в Дарфуре – опасные, очень опасные и чрезвычайно опасные). Гуманитарные организации, пытающиеся помочь жертвам конфликта в Дарфуре, сталкиваются со всевоз-

Суданцы предпочитают бегства в суровую пустыню в Чаде ужасу нападений боевиков в своем родном Дарфуре.

можными препонами. И трудно сказать, не чинятся ли они преднамеренно.

К середине года, когда после многомесячных проволочек были, наконец, получены визы для гуманитарных работников, бюрократы продолжали тормозить ввоз автомобилей и средств связи, без которых почти невозможно оказывать помощь. Одна благотворительная медицинская организация сообщила, что ее груз медикаментов три месяца простоял в металлических контейнерах в Порт-Судане на 50-градусной жаре. Когда разрешение на ввоз было наконец получено, 70% лекарств уже испортились, и их пришлось уничтожить. Несмотря на обещания правительства облегчить доступ в Дарфур, местные власти в июле продолжали требовать разрешение на проезд даже единственного автомобиля с грузом для перемещенных лиц.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Хотя в Дарфуре этнические различия традиционно были весьма расплывчатыми – еще в предыдущем поколении “аравов” те, кто хотел оставить кочевой образ жизни, могли присоединиться к чернокожим африканским племенам, просто занявшись земледелием, – жертвы конфликта в Дарфуре единодушно считают, что их преследуют из-за черного цвета кожи. (Религия здесь ни при чем, так как обе стороны – мусульмане.)

Один из перемещенных в лагере в Калме твердо заявил, что он и его односельчане подверглись гонениям «из-за цвета кожи, черного цвета кожи, – сказал он, касаясь тыльной стороны ладони. – Они напали на нас, потому что мы “курчавые”, стопроцентные “курчавые» (Дарфур в переводе означает “родина курчавых”). Другая “курчавая” женщина сказала, что люди, которые напали на ее деревню,

маленькие. Грабеж – это тоже одна из целей”. Налетчики забрали даже велосипед, специально приспособленный под его инвалидность – шесть лет назад после очередного нападения бандитов у Карима отнялись обе ноги.

Эль-Нур Адам, 52-летний крестьянин, тоже знает, что значит все потерять. Когда нападению подверглось его село Адар, он лишился лошадей, коров, овец, кур, запасов зерна и всех своих сбережений – 150 тыс. суданских динаров (577 долл. США), для этой страны – целого состояния. Живя теперь в лагере в Рияде, он работает в близлежащей Эль-Дженеине разнорабочим всего за 200–300 динаров в день (1 долл.), чего едва хватает, чтобы два раза в день накормить кашей свою жену и девятерых детей.

Одним из самых тревожных аспектов этого конфликта является явно систематическое использование изнасилований в качестве военной тактики. В июльском докладе организации “Международная амнистия” говорилось, что арабские боевики систематически насиловали женщин в Дарфуре, используя надругательство как средство пыток и издевательств над своими жертвами. Описывая то, что они называют “систематической политикой унижения целой группы людей и разрушения их социальной среды”, работники “Амнистии” отмечают, что опросили сотни женщин, изнасилованных в своих деревнях или похищенных для использования в качестве сексуальных рабынь. В докладе говорится, что в сексуальное рабство обращали даже восьмилетних девочек, ломая им руки и ноги, чтобы они не могли бежать.

“Они увозят женщин подальше и привозят их на следующий день”, – рассказывает сотруднику УВКБ ООН одна 19-летняя замужняя женщина из Каилейка. Насилуют ли женщин нападавшие? Она отвечает на этот вопрос с горькой усмешкой: “Разу-

В ОДНОМ ИЗ ДОКЛАДОВ “МЕЖДУНАРОДНОЙ АМНИСТИИ” ГОВОРИЛОСЬ, ЧТО ДЛЯ “УНИЖЕНИЯ ЦЕЛОЙ ГРУППЫ ЛЮДЕЙ

выкрикивали: “Мы убьем вас. Мы употребим ваших женщин и никого не выпустим. Мы покончим с вами, потому что вы черные”.

Калтум Гарун, 20-летняя женщина, на глазах у которой убили ее четырехлетнего сына и мужа, говорит, что *джанджавиды* особенно охотятся за мальчиками. “Они говорят, что когда те вырастут, то станут тора-бора, а мы даже не знаем, кто такие тора-бора, – беспомощно вздыхает она. – И никогда не видели тора-бора”. Такое прозвище *джанджавиды* дали повстанцам из “Освободительной армии Судана” якобы по названию горы в Афганистане, служившей оплотом для боевиков “Аль-Каиды”. Со своей стороны, жертвы этого насилия называют своих мучителей то *джанджавид*, то “араб”. (*Джанджавид* на искаженном на местный лад арабском языке означает “дьяволы на лошадях и с автоматами”).

Какой бы ни была первопричина их нападений, *джанджавиды* не упускают случая поживиться. Факи Абдель Карим, 53-летний отец восьмерых детей, считался самым богатым человеком в своей деревне близ Вади Салеха в Западном Дарфуре. Он считает свои потери по пальцам: “Они убили шесть членов моей семьи. Убили четырех детей моего брата. Увели 30 коров, 20 коз, четырех ослов и повозку. Забрали 25 мешков пшеницы и двое весов, большие и

мелкие, а что еще они могут с ними делать?” И сколько женщин было изнасиловано? Она беспомощно разводит руками: “Много, очень много, всех не сосчитать”.

Бабикиер, отец многодетного семейства в лагере Дорти, рассказал, что его деревня подверглась нападению чуть больше девяти месяцев назад. “Женщин они изнасиловали, – говорит он. – Все они вернулись беременными, и сейчас у них родились дети”.

“Мою дочь изнасиловали два *джанджавиды*, – рассказывает проживающая ныне в городе Кас 46-летняя Мариам, мать девяти детей, представляя сотруднику УВКБ ООН свою 17-летнюю дочь. – Во время нападения женщин изнасиловали. Их увезли в горы, далеко от деревни. На следующий день моя дочь вернулась женщиной”, – поясняет Мариам, используя этот эвфемизм, чтобы сказать о потере ее дочерью девственности. Была изнасилована и 15-летняя сестра девочки.

Мариам с грустью говорит, что теперь ее дочери никогда не выйдут замуж, хотя решительно добавляет при этом, что им нечего стыдиться. Их изнасилование, говорит она, явилось страшным ударом для ее мужа, очень набожного человека, но он не отверг девочек, как это порой случается в консервативных мусульманских культурах. “Он ничего не может

с этим поделать. А что он может сделать? У него нет никого достаточно сильного, чтобы защитить нас. Ему остается лишь смириться”.

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Смириться – это сегодня девиз обитателей жалких лагерей для перемещенных лиц. Везде, где только можно, несломленные беглецы, пережившие кошмар, соорудили соломенные хижины, а у тех, кому повезло, крыша даже защищена пластиковой пленкой. Уборной им служит любое место, и когда начинаются сезонные дожди, все это растекается вокруг. У обитателей лагеря нет мест для умывания, и врачи опасаются вспышки таких заболеваний, как холера. “Худшее еще впереди”, – мрачно предупреждают многие гуманитарные работники.

В регионе, который уже пострадал от того, что один сотрудник ООН назвал “вышедшим из-под контроля недоеданием”, число голодающих дарфурцев, по оценкам, выросло до 20–25% населения. Один африканский врач, работающий в международном агентстве по оказанию гуманитарной помощи, охарактеризовал состояние здоровья перемещенных лиц как “ужасающее”. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, что обитатели лагерей живут в “нечеловеческих условиях – без надлежащего питания, жилья, воды, лекарств и других жизненно необходимых вещей”.

В июле учреждения по оказанию гуманитарной помощи еще только начали распределять продукты питания и устраивать отхожие места, обеспечивать водоснабжение и медицинскую помощь в стихийно возникших лагерях. УВКБ ООН рассчитывает проводить вместе с местными неправительственными организациями консультации для жертв изнасилования и в сотрудничестве с местными полицейскими служба-

нередко врываются в них, прибегают к все более изощренным приемам. В Кридингском лагере в Эль-Дженеине мужчины перестали выходить за пределы лагеря в поисках хвороста и питьевой воды, потому что их убивали, а девушки и женщины – потому что их насиловали. Когда же изгнанникам пришлось в голову послать за хворостом и водой пожилых женщин, *джанджавиды* напали на трех из них и изуродовали им половые органы.

ПРЕДЕЛЫ СТОЙКОСТИ

Это стойкие люди, но и у них уже почти не осталось сил терпеть царящий вокруг ужас. Жители деревни Вади Салех с сентября по ноябрь прошлого года пережили три нападения, пока наконец не решили бежать. “Когда правительственные силы и *джанджавиды* пришли в первый раз, мы убежали в горы и потом вернулись, чтобы убрать урожай, – вспоминает 37-летний крестьянин Хабиб Хусейн. – Когда они напали во второй раз, то стали убивать людей. Мы бежали, но вернулись. В третий раз мы вернулись, чтобы забрать свои вещи, но они явились на своих самолетах, машинах и лошадях. Стали убивать людей и насиловать женщин. Тогда мы ушли насовсем”. Он с горечью добавляет, что не верит никаким обещаниям правительства обеспечить защиту.

Не менее пессимистично настроен и 52-летний Исхак Абдель Салам, староста деревни Кера, живущий в лагере в Рияде вместе со своими четырьмя женами и 16 детьми. “Нет места лучше дома, – говорит он, стоя в окружении женщин своей деревни, которые решительно заявляют, что никогда не вернутся назад. – Если бы я мог снова начать нормальную жизнь, конечно, лучше было бы дома, чем в этом лагере”, – говорит Исхак. Но он сомневается, что даже миротворцы ООН смогут обеспечить на-

ЖЕНЩИН В ДАРФУРЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИ НАСИЛЮЮТ, ИСПОЛЬЗУЯ НАДРУГАТЕЛЬСТВО И РАЗРУШЕНИЯ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ”.

мы постараться покончить с постоянными нападениями *джанджавидов* на женщин в лагерях беженцев.

“Могут погибнуть сотни тысяч людей”, – предостерег Координатор по чрезвычайной гуманитарной помощи ООН Ян Иглэнд, – если не будут предприняты шаги, чтобы положить конец вооруженным столкновениям с двумя мятежными группировками и если не разоружить, а также не демобилизовать бесчинствующих боевиков. К середине июля ничего подобного практически не делалось.

Правительство Судана не раз призывало перемещенных лиц вернуться домой, в свои разрушенные деревни, но те говорят, что не верят в обещания обеспечить безопасность, со стороны тех, кто, как они считают, сами прежде всего и попустительствовали их изгнанию.

“Я думаю, у них есть основания нервничать и не доверять. Им нужно увидеть, что принимаются практические меры для обеспечения их защиты, которые мы здесь сейчас обсуждаем. И пока они этого не увидят, они не смогут поверить в то, что ждать безопасности уже недолго”, – заявил на пресс-конференции в середине июля Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан.

Даже в лагерях небезопасно. *Джанджавиды*, которые днем кружат верхом вокруг лагерей, а ночью

стоящую безопасность в Дарфуре. “Это огромная страна, – говорит Исхак. Здесь есть вади (высохшие русла), горы, ручьи, множество мест, где можно спрятаться. Если не расставить повсюду солдат, настоящей безопасности не будет”.

“В этих местах нам трудно найти пропитание и питьевую воду, – говорит Захра Абас, не стесняющаяся в выражениях 25-летняя женщина, живущая в лагере Рияд вместе со своими шестью детьми в возрасте от года до 11 лет. – У нас нет еды. У нас ничего нет, но мы не собираемся сделать отсюда ни шагу”, потому что в лагере по крайней мере есть хоть какой-то минимум безопасности. Жизнь здесь, по ее словам, куда лучше возвращения в ее сожженную, опустевшую деревню. “Мы не вернемся назад. Они нас убьют. Я готова остаться в этом лагере до конца своих дней”, – говорит она, решительно мотнув головой.

На континенте, где в последнее время произошло столько обнадеживающих событий, где заканчиваются, наконец, столько затяжных конфликтов, а для миллионов беженцев открылась реальная перспектива возвратиться домой после десятилетий изгнания, Дарфур остается мрачным напоминанием об обезкураживающей, неизбывной способности Африки порождать длительные гуманитарные катастрофы. ■

Дневник: ВОСТОЧНЫЙ ЧАД

Анне-Кирстен Гарбе с марта до начала мая этого года была сотрудником по программам в Восточном Чаде, где УВКБ ООН оказывает помощь десяткам тысяч суданских беженцев из Дарфура. Ниже предлагаются отрывки из ее дневника – личное свидетельство о ежедневных трудностях гуманитарной работы на местах

11 АПРЕЛЯ 2004 г., ПАСХА, Абеше

Уже 8 вечера, суббота, а мы только что закончили работу. Все устали, и, как обычно, наша маленькая команда собирается во внутреннем двореке офиса выпить пива и доест холодные остатки обеда. Иногда кто-нибудь разогревает еду, но не сегодня. Генератор только что выключили, потому что начинает работать городская электростанция. Жара еще держится, и нас отчасти спасает лишь легкий ветерок. Всех изнурили жара, нескончаемый гул генератора и работа. Даже на простой телефонный звонок могут уйти часы, а электронная почта срабатывает, кажется, только когда вы уже готовы разбить свой спутниковый телефон об стену. По крайней мере пиво и кока-кола – из холодильника. Все мы слишком много курим. Но сейчас нам не до здоровья.

Вот и все обычные вечерние развлечения в Абешском отделении, Восточный Чад. Но сегодня особый вечер. Завтра Пасха, и мы решили, что в кои веки поспим подольше. Никому не разрешили выходить на работу раньше 8 утра! Какая роскошь. Ни у кого здесь с самого приезда не было выходных, и каждый день был похож на другой – никакой разницы между воскресеньями, рабочими днями или даже Пасхой. Когда на следующий день мы собираем коллег из двух домов, в которых живем, выясняется, что все проснулись около 6 утра, но не решились выйти. В конце концов, в это-то утро можно поспать подольше. Но стоит невыносимая жара, и после восхода солнца особо не поспишь. Электричест-

во дают с 7 вечера до 5 утра, но даже с включенным потолочным вентилятором кажется, будто на тебя направлена горячая струя воздуха из фена.

Радуюсь, что наконец-то можно снова идти в офис, и вдвойне радуюсь тому, что большинство из нас успели принять душ, пока не отключили воду (всегда находится невезучий, кто как раз стоит намыленный под душем, когда прекращается подача воды), отправляемся на работу.

Мы размещаемся все вместе в двух домах. Питаемся тоже вместе в офисе, потому что в домах нет кухонь. Как ни странно, между членами команды почти не возникает напряженности, хотя мы проводим вместе почти 24 часа в сутки.

Как обычно, по дороге на работу мы останавливаемся, чтобы купить хлеба. Едва завидев нас, про-

Проведя долгий день в поездках по поселениям беженцев на судано-чадской границе, глава команды УВКБ ООН Айвэн Стерм отправляет при свете фонарика свою корреспонденцию по электронной почте через спутниковый телефон.

UNHCR/H. CAUX/DP/TCO-2004

UNHCR/H. CAUX/DP/TCO-2004

**БОЛЬШИНСТВО ПАЛАТОК – ПЕСОЧНОГО ЦВЕТА, И КАЖЕТСЯ, ЧТО ОНИ СЛИВАЮТСЯ С ЗЕМЛЕЙ.
НОВЫЕ ПАЛАТКИ ЕЩЕ СОХРАНИЛИ БЕЛЫЙ ЦВЕТ, НО ПЕСЧАНЫЕ БУРИ БЫСТРО СДЕЛАЮТ СВОЕ ДЕЛО.**

давец начинает наполнять хлебом пластиковый мешок. Дело каждодневное, все без слов ясно. Чтобы сделать это утро совсем особенным, мы накануне купили на рынке свежих яиц для своего первого омлета. Но тут не повезло – 11-е яйцо оказалось тухлым и все испортило. Однако мы не собираемся отказываться от удовольствия позавтракать всем вместе в это пасхальное воскресенье. Мы не обращаем внимания на песчинки в хлебе, делаем вид, что сухое молоко марки “Нидо” имеет вкус настоящего, а “Веселая буренка” – наш любимый сыр. Обычная процедура, как и в любой другой день, только на час позже.

Эти утренние завтраки кроме “выпивок” по вечерам – единственный момент, когда можно расслабиться, поболтать и посмеяться. Все это – до начала рабочего дня с его бесконечными неурядицами и всем прочим, что может не заладиться и действительно не ладится. Мы говорим о том, чего бы поели, будь мы не здесь, а дома. Приехав сюда, через какое-то время так начинают себя вести все – говорить о том, по чему скучаем, например о кино. Сегодня мы узнали, что канадский

фильм получил Оскара. Мы много говорим про горы, снег, озера и море, про парусный спорт и подводное плавание.

Это неудивительно, учитывая погоду и то, что найти воду для людей и животных – одна из сложнейших проблем, с которыми мы сталкиваемся во время нашей операции в Чаде. Сейчас воды в колодцах и скважинах в имеющихся шести лагерях недостаточно, чтобы удовлетворить потребности уже живущих там и постоянно прибывающих беженцев. В то же время мы знаем, что через два-три месяца начнутся дожди и будет столько воды, что мы не сможем завозить людей в лагерь. В общем, если уж мы мучаемся от суши и жары, то каково беженцам в лагерях и тем, кто застрял на границе?

Сотрудник УВКБ ООН в Чаде помогает застигнутым песчаной бурей вновь прибывшим беженцам из Судана грузить пожитки в машину, которая доставит их в лагерь Тулум, близ Ирибы, Восточный Чад.

1 МАЯ 2004 г., Фаршана

Жара просто невыносимая. Около 50 градусов. Полдень, мы находимся на небольшом холме. Перед нами раскинулся огромный палаточный городок

UNHCR/H. CAUX/DP/TCO-2004

“ВСЕ МЫ ВЫБИВАЕМСЯ ИЗ СИЛ, НО МЫ НЕ ВСЕМОГУЩИ...”

Сотрудник УВКБ ООН с вновь прибывшей суданской семьей в Восточном Чаде.

Фаршана – первый лагерь, который УВКБ ООН открыло для суданских беженцев в Чаде. Большинство палаток – песочного цвета, и кажется, что они сливаются с землей. Слева от нас некоторые палатки еще сохранили белый цвет. Но это ненадолго. Песчаные бури быстро делают свое дело.

Белые палатки – новые. Их поставили лишь за прошлой неделей для размещения беженцев, стихийно прибывающих со стороны границы. Лагерь был рассчитан на 6 тыс. человек, но к концу апреля беженцев было уже почти 8 тыс., а люди все продолжали ежедневно прибывать пешком и на автобусах.

Мы спускаемся с холма, решив обойти лагерь вокруг и посмотреть на все поближе. Поразительно, насколько жители лагеря – в основном женщины – организованны и дружелюбны, и это после всего, что им пришлось пережить, и при всех лишениях, которые они продолжают испытывать в лагере. Когда говоришь с ними, они благодарят за то, что мы делаем для них, за то, что даем им приют, еду и воду. Они просят лишь соли, сахару к чаю и каких-нибудь овощей. Право, не так уж много. Мы стараемся это раздобыть.

Проходя мимо пункта раздачи воды, мы видим длинную очередь канистр и очередь из ждущих под солнцем женщин в пестрых табах (традиционной суданской одежде, в которую закутываются женщины). На наш вопрос они отвечают, что простояли здесь все утро, но воду еще не выдают. И опять никакой злости. Но это еще одно напоминание нам, что вода – наша главная проблема.

Хотя “Врачи без границ” напряженно трудятся над завершением системы водоснабжения, ее все

равно будет недостаточно, для того чтобы давать беженцам минимум по 15 л на человека. Перед нами настоящая дилемма. Что же делать? Мы не можем отослать беженцев обратно на границу, где арабские боевики из Судана могут напасть на них и отобрать остатки имущества и где у них не будет ни продуктов питания, ни воды.

В беседе с членами лагерного комитета мы пытаемся все это объяснить и, что уже не удивляет, встречаем понимание. Хотя нам от этого становится немного легче, мы не можем забывать ни о трупах животных, валяющихся вокруг лагеря, ни о деревьях и кустах, вырубленных на топливо и на ограды вокруг палаток, ни о людях, спящих на голой земле. Эти проблемы нам еще предстоит решить. А времени остается все меньше. Беженцы продолжают прибывать. Лагерь заполнен до предела и не может принимать новых беженцев. Похоже, найти новые места для разбивки лагерей до начала сезона – “миссия невыполнима”.

В тот же вечер мы со своими партнерами-исполнителями горячо обсуждаем неразрешимую проблему воды. И в конце концов один коллега устало говорит: “Ну что же мы можем поделать? Все мы выбиваемся из сил, но мы не всемогущи, однако нельзя же отправить их назад! А раз так, то придется еще сократить рацион воды”.

Затем мы ужинаем и отправляемся спать. Заодно пришлось задуматься еще об одной проблеме, затронутой в сегодняшнем разговоре с членами лагерного комитета. Они спрашивали, не может ли УВКБ ООН дать им кровати, потому что они боятся змей и скорпионов, которые ночью забираются в палатки. ■

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

“Мы хотим примирения. Мы никогда ничего не забудем. НО ПЫТАЕМСЯ ПРОСТИТЬ”

*Первые шаги вновь
обретенного мира
в послевоенной
Сьерра-Леоне*

АННЕТТЕ РЕРЛЬ

На атлантическом побережье Африки есть один весьма привлекательный на вид пляж. Море здесь спокойное, под теплым бризом тихо шелестят пальмы. На пляже играют и смеются дети. Весело гоняются друг за другом собаки. В море на горизонте появляется силуэт рыболовного судна. Казалось бы, все располагает к отдыху. Можно чувствовать себя спокойно.

Убаюканный сонной атмосферой пловец, не ожидая ничего дурного, входит в воду. Внезапно мощная волна опрокидывает его, переворачивает и швыряет обратно на берег. Каждый год вблизи прелестных пляжей Сьерра-Леоне тонет много людей, даже опытных пловцов. Опасность и насилие всегда подстерегают человека и в, казалось бы, мирной обстановке. Точно так же ежедневные напоминания о смертоносном прошлом уживаются в этой маленькой стране с надеждами на лучшее будущее.

Никогда не знаешь, что скрывается за видимостью. Не узнаешь, что дружелюбный владелец лавки в центре Фритауна, возможно, военный преступник, который убивал людей своим мачете во время гражданской войны, продолжавшейся с 1991 по 2002 г. Не узнаешь, пока не прогуляешься с бывшим ребенком-солдатом бывшего “Объединенного революционного фронта” (ОРФ). Только тогда, может быть, узнаешь, что он и другие маленькие дети были похищены этим милым с виду человеком. Только тогда выяснится, что в том памятном 1998 г., когда мальчику было всего семь лет, этот лавочник заставил его смотреть, как убивают его родителей, а потом взвалил тюк с награбленным добром на его детскую головку и велел ему и другим пленным ребятишкам следовать за ним.

«Каждый день, когда я прохожу мимо, он приветствует меня, – с возмущением говорит Сулейман, которому теперь уже исполнилось 13 лет. – Я не хочу даже смотреть ему в глаза. Мы оба знаем, через что прошли. Но когда мне не удастся его обойти, я тоже

**Девятилетний
Абубакар,
которому
мятежники
отрубили левую
руку, когда ему
было всего пять
лет, отвлекся от
игры в футбол,
чтобы отдохнуть
на пляже.**

B. CURTIS/AP/DP/SLE+2004

В ПОСЛЕВОЕННОЙ СЬЕРРА-ЛЕОНЕ ЛЮДИ “ИСЧЕЗАЮТ” ПО НОЧАМ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИХ НАХОДЯТ

говорю ему “привет”. Нам было велено помириться в нашей стране. Война окончена», – говорит он со смешанным чувством облегчения и смирения. “Но этих людей нужно судить, – добавляет он. – Они причинили нам столько зла и учили делать зло”.

С марта 2004 г. некоторых предполагаемых военных преступников судит восстановленный Специальный трибунал для Сьерра-Леоне. Несмотря на это, один из его главных обвинителей, Дэвид Крейн, все еще не выявил “особо разыскиваемых лиц”.

“Этот Специальный трибунал – не более чем косметическая операция”, – замечает Осман Жалло, скептически настроенный 35-летний учитель. Он потерял всю семью во время нападения на его деревню правительственных сил, которые, поменявшись ночью ролями с повстанцами, творили еще больше бесчинств, чем те, с кем, по идее, им надлежало сражаться.

Тогда все было дозволено. Сегодня дозволено почти все.

“Люди в деревнях хорошо помнят, кто что делал во время войны”, – заключает Осман.

Вот почему в послевоенной Сьерра-Леоне люди все еще иногда “исчезают” по ночам.

Через несколько дней их находят в буше мертвыми. Некоторые называют это местным правосудием в то время, когда работают официальные суды. Другие – просто местью.

НИТОЧКА НАДЕЖДЫ

Расположенный восточнее, посреди буша, на границе с Гвинеей городок Кайлахун внешне напоминает шумную придорожную станцию. Между остовами

некогда живописных колониальных зданий мужчины о чем-то толкуют на пороге домов, а мальчики зубрят Коран. Пакистанцы из войск МООНСЛ помогли восстановить красивую городскую мечеть и конференц-зал. “До Исламабада 8909 км”, – гласит дорожный указатель в центре города. На таких табличках, установленных на трех основных дорогах, указаны почти все неправительственные и международные организации, действующие в стране. В каждом втором здании расположена какая-нибудь “программа”. Население Кайлахуна – это смесь беженцев, перемещенных лиц, бывших комбатантов, солдат и местных жителей.

Живущие здесь люди давно лишились своего имущества и потеряли близких. Они утратили уверенность в себе, гордость, а некоторые и самоуважение. За время войны каждый потерял какую-то частичку самого себя. Но все они пытаются сохранить чувство собственного достоинства. Каждый здесь ищет новые отправные точки и ниточку надежды, за которую можно было бы ухватиться.

Вновь прибывшие сьерра-леонские репатрианты тоже питают надежды на “станции” Кайлахун. Прожив почти 13 лет в лагере беженцев, расположенном за рекой в Гвинее, они в конце концов решили вернуться домой. УВКБ ООН уже переселило почти 30 тыс. репатриантов.

В одно жаркое тропическое утро 90 репатриантов ступают на родную землю на берегу реки Моа, переплыв ее на плотках и в каноэ, предоставленных УВКБ ООН. Четырехлетний мальчик выбирается из каноэ и зовет мать, стоящую где-то в гуще людей.

“Добро пожаловать домой!” – кричит кто-то в мегафон.

Сотрудник УВКБ ООН, углядев потерявшегося мальчика, бережно ведет его за руку к колонне машины, где его ждет мать. Они забираются в кузов грузовика, и мальчик сверху впервые оглядывает свой родной край.

COURTESY OF A. REHRL/CP/SLE-2 004

В БУШЕ МЕРТВЫМИ. НЕКОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ ЭТО МЕСТНЫМ ПРАВОСУДИЕМ. ДРУГИЕ – ПРОСТО МЕСТЬЮ.

Потом в Кайлахун прибывает другая семья, таща два деревянных стула, четыре мешка риса, семь сумок и троих детей – все они родились в лагере беженцев близ Киссидугу в Гвинее.

“И это все ваши вещи?”

“Да”, – отвечают они. Это не считая матрасов, керосиновых ламп, кухонной утвари и тазов, полученных от УВКБ ООН.

“Как мы доведем все это в нашу деревню?” – сокрушается мужчина. Его более практичная жена сперва кормит их среднего ребенка, потом грудного, пристегнутого у нее за спиной, а потом невозмутимо переносит все вещи в тень. Она ставит сумки одна на другую, выстраивает стулья и кладет на них домашний скраб. Муж смотрит на нее с восхищением. После такого толкового вмешательства багаж выглядит намного компактнее, но вопрос доставки в их расположенную в 200 км деревню остается открытым. Это уже первые шаги в новой жизни.

ЭТОТ СТРАННЫЙ НОВЫЙ МИР

Многие сьерралеонцы стремятся сделать первые шаги при вновь установившемся мире. Почти у каждого за плечами не меньше десяти лет войны, но никто не хочет оглядываться назад. Они говорят, что их больше интересует будущее. В этом новом странном мире не знающие, что делать дальше, ветераны живут по соседству с военными преступниками. Бывшие дети-солдаты сталкиваются на улицах лицом к лицу со своими бывшими мучителями. Инвалиды, которым во время войны зверски отрубили руки и ноги, встречаются с теми самыми извергами, которые их изуродовали, если они живут в одном и том же районе.

“Если парень, который отрубил мне руку, теперь отправится в тюрьму, ладно, это, наверно, можно назвать правосудием, – сердито говорит 45-летний Зия Мансарай. Он живет в Абердинском лагере ин-

валидов войны, ожидая переезда в новый дом. – Но даже если он сядет в тюрьму, руку мне уже не вернуть”.

Этот отец четырех детей потерял правую руку в 1998 г., когда повстанцы из ОРФ стали отсекают конечности своим согражданам, чтобы те не голосовали за президента Ахмеда Каббу. Хотя правительство по всей стране развернуло широкую программу строительства бесплатного жилья для нескольких тысяч инвалидов войны, пострадавшие жалуются:

“Они дают нам дома, но как нам прикажете выживать? Я был крестьянином. Как я буду обрабатывать поле с одной рукой? Может, мне кормить семью кирпичами вместо риса?” – кричит один инвалид.

Особенно тяжелое будущее ожидает молодых инвалидов. Даже имеющие хорошую профессиональную подготовку молодые сьерралеонцы, у которых есть руки и ноги, не могут найти работу.

“Та же машина, тот же водитель, те же пассажиры. И все время мы ездим по кругу, – так описывает ситуацию в своей стране военнослужащий правительства вооруженных сил. – Ничего не улучшилось. Не хватает продуктов питания. Нет работы. Нет света. Спрашивается, зачем мы воевали целых десять лет. Мир – это хорошо, но что он дает, если у вас нет будущего?”

На этот вопрос правительство пока не может ответить.

“Трущобы” – слишком мягкое слово для тех условий, в которых живут многие бывшие комбатанты и их семьи, особенно в сельских районах. Некоторые лагеря беженцев – просто пятизвездочные отели по сравнению с ужасной нуждой, которую терпят эти семьи. А они не ропщут. Пытаются как-то наладить свой быт. Ждут лучших времен.

Двадцатилетний Ибрагим, бывший мальчик-солдат, живет сейчас в центре для перемещенных и беспризорных несовершеннолетних. Во время войны

Восстановленная мечеть в Кайлахуне.

Возвращающиеся беженцы – остановка в Кайлахуне.

B. CURTIS/AP/DP/SLE2003

КАЖДЫЙ ЗДЕСЬ ИЩЕТ НОВЫЕ ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ И НИТОЧКУ НАДЕЖДЫ, ЗА КОТОРУЮ МОЖНО БЫЛО БЫ УХВАТИТЬСЯ.

Мальчик идет мимо плаката у центра профподготовки для молодежи. Конфликт закончился, но надпись гласит: “Ни одному злому сердцу не будет благоденствия”.

он совершал неописуемые зверства, и теперь его преследуют кошмары. Призраки прошлого его не оставляют.

“Я вижу, как люди кричат и убегают, боясь меня,” – говорит он. Каждое утро он просыпается в поту. “Если я вернусь в родное село, мне конец,” – говорит он. – Я знаю наших людей. Они знают меня. Люди в Африке ничего не забывают”.

Опасаясь за свою жизнь, Ибрагим предпочел не записываться ни в одну из программ демобилизации, разоружения, реинтеграции и реабилитации. Он не получал также консультаций психолога, не прошел профобучения. Иными словами, он не стал одним из тысяч плотников или портных, которых подготовили такие программы. Вместо этого он предпочел бы пойти в школу и обучиться грамоте.

Ибрагим хочет уехать из Сьерра-Леоне и поселиться в другой стране, возможно, с помощью МООНСЛ, которая осуществляет программу поддержки свидетелей для особых случаев, касающихся детей-солдат. Хотя он теперь уже взрослый, у Ибрагима есть шанс быть включенным в эту программу, поскольку он был ребенком, когда совершал зверства.

Целыми днями Ибрагим прячется. Его командиры, которые похитили его 12 лет назад, когда ему едва исполнилось восемь лет, и заставляли убивать, жечь и грабить и которые вкалывали кокаин в его открытые раны, не понесли наказания. Пока.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В то время как жители Сьерра-Леоне мирятся друг с другом, 7,5 тыс. либерийских беженцев в лагере Тобанда, близ Кенемы, тоже получают какое-то представление о том, каково общаться с бывшими врагами. Они участвуют в семинарах и программах помощи бывшим ДКВС (детям – комбатантам воюющих сторон). Тем самым детям, которые, вернувшись в Либерию, могли бы убить своих близких. Они учатся жить по-новому, потому что жизнь идет вперед.

ДКВС, как их называют, играют в футбол, держась друг за друга, как раненные звери в стае. Их воспитатели настроены скептически, иногда беспомощно разводят руками. Девочки разгуливают в майках с лозунгами против насилия в быту.

Имам, 72-летний член комиссии по рассмотрению жалоб, который три месяца скрывался в буше, не перестает повторять две фразы: “Всех убили” и “Бог всемогущ”. Он бежал, имея лишь одежду, которая была на нем. В лагере Тобанга ему дали Коран. Теперь ему только и остается повторять суры и вспоминать о той ночи, когда мятежники напали на его деревню. “Убить” – это слово слышится чаще других. “Выжить” – ценится больше всего.

Особого внимания требовали сильнеешие эмоции, которыми охвачены беженцы.

“Мы включились в работу лагерной администрации, потому что хотели сделать что-то полезное для нашей общины,” – поясняет 76-летний член совета старейшин Тиган Мансарай. – Во-первых, нам надо было как-то снять напряженность. Когда у людей горе, появляется агрессивность. В большин-

стве случаев эти агрессивные проявления связаны с прежними обидами, – продолжает он. – Живя в таких условиях, беженцы чуть что обижаются. Поэтому мы постарались их успокоить. И нам это удалось. Теперь люди поняли, что могут жить вместе как соседи. Мы принадлежим к разным племенам, но здесь, в лагере, мы хорошо ладим. Даже с детьми из числа ДКВС. Они привыкают к обстановке доброжелательности. Это вселяет надежду в отношении будущего Либерии. Когда мы вернемся домой, то хотим быть живыми свидетелями случившегося в наших общинах. Мы хотим участвовать в жизни гражданского общества”. Эти планы обнадеживают.

ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРУЗ ПРОШЛОГО

Однако пока что над всем регионом, и над Сьерра-Леоне в частности, повис большой вопросительный знак. Этот вопрос читается в глазах каждого. Десять лет убийств, опустошения и членовредительства не исчезли, хотя люди отчаянно жаждут мира.

“Почему вы так поступали друг с другом?” – не перестают спрашивать визитеры.

“Мы не знаем,” – отвечает им. – Нам нужно помириться. Мы хотим примирения. Мы никогда ничего не забудем. Но пытаемся простить”.

Эта решимость преодолеть груз прошлого пройдет проверку после того, как в декабре 2004 г. будут выведены последние подразделения МООНСЛ. Тогда этому заново рожденному обществу придется доказать самим себе и своим соседям, что война может быть и своего рода катарсисом. И что десятилетие бессмысленных убийств не должно повториться. И что программы перевоспитания в лагерях беженцев могут дать альтернативу – мирное сосуществование. И что гуманность можно возродить, если только к этому есть воля. ■

АННЕТТЕ РЕРЛЬ – независимая берлинская журналистка и автор книги о детях Сьерра-Леоне, опубликованной в 2004 г. в сотрудничестве с УВКБ ООН.

ЛИБЕРИЯ

Мольба о мире на “ЗЕМЛЕ СВОБОДНЫХ”

Либерия пытается преодолеть свой кажущийся бесконечным кошмар

ФЕРНАНДО ДЕЛЬ МУНДО

Дама Камара бежала в лагерь беженцев в Гвинее в 1989 г., когда Чарльз Тейлор поднял мятеж в Либерии. Четыре года спустя она вернулась домой в Сарканнеду, поселок на окраине Воинджамы в Лофе, нестабильном северном округе Либерии, но боевики сожгли сооруженные из глины и пальмовых ветвей хижины во всем районе, вынудив ее снова бежать в Гвинею.

В феврале 40-летняя Камара вместе со своим мужем-крестьянином и пятью детьми опять вернулась в родные места в надежде, что навсегда. “Я молю бога, чтобы он защитил нас. Я молюсь о том, чтобы

те, кто ведет эту войну, сложили оружие, иначе мир не наступит никогда”.

Для того чтобы наладить новую жизнь, Камаре нужно не только заступничество бога. Страна опустошена 14-летней непрерывной гражданской войной. Города и деревни лежат в руинах или зарастают лесами. Кое-кто видит в затяжных муссонных дождях знак того, что боги оплакивают кажущийся бесконечным либерийский кошмар.

Однако гораздо больше людей настроены оптимистично, “голосуя ногами” за будущее своей страны, после того как Тейлор – виновник всех их недавних бед – отправился в изгнание в Нигерию в августе

Вернувшиеся из Сьерра-Леоне либерийцы находят лишь руины своих деревень.

ЛИБЕРИЯ

2003 г., когда повстанцы пробивались к его стоящему на берегу Атлантического океана президентскому дворцу в столице страны, Монровии. С тех пор тысячи покинувших родные места либерийцев возвращаются домой из лагерей беженцев, расположенных в соседних странах – Гвинее, Сьерра-Леоне и Кот-д'Ивуаре, а также из центров размещения лиц, перемещенных внутри своей страны (внутренне перемещенных лиц, сокращенно ВПЛ). Некоторые либерийские беженцы рискнули отправиться домой из Нигерии и Ганы на утлых лодчонках.

После ухода Тейлора в соседней Гане было выработано мирное соглашение, положившее конец войне, которая унесла жизни 200 тыс. человек и вынудила почти миллион людей покинуть свои дома. Соглашением предусматривались создание в этой стране с населением в 2,6 млн. человек переходного правительства и проведение выборов в октябре 2005 г. Это соглашение подписали повстанцы из Объединения либерийцев за примирение и демократию (ЛУРД) и Движения за демократию в Либерии (МОДЕЛ).

ТВЕРДАЯ РЕШИМОСТЬ

Вслед за этим в стране начал разворачиваться 15-тысячный контингент Миссии Организации Объединенных Наций в Либерии (МООНЛ). Была осуществлена повсеместная программа разоружения, демобилизации и реинтеграции. К концу июля около 60 тыс. бойцов сложили оружие, и были открыты специальные пункты для их размещения.

“С тех пор как в Либерии в 1989 г. вспыхнул конфликт, ООН впервые в такой форме участвует в его урегулировании, – говорит Мозес Окелло, представитель УВКБ ООН в Либерии. – Международное сообщество теперь твердо намерено добиться разрешения этого конфликта и обеспечить необратимость урегулирования”.

СОШЕСТВИЕ В АД

Сошествие в ад началось через 133 года после основания Либерии, когда старший сержант Сэмюел Доу осуществил в 1980 г. государственный переворот и казнил президента Сэмюела Толберта-мл. Самого Доу убили через десять лет во время мятежа, поднятого Национальным патриотическим фронтом Либерии (НПФЛ) во главе с Тейлором. Еще до того как Тейлор, бежавший из заключения в Соединенных Штатах бывший министр экономики Либерии, в конце концов стал президентом, сам НПФЛ раскололся, а Западная Африка неузнаваемо преобразилась.

Победивший и жаждавший мести Тейлор обратил свой взор на Сьерра-Леоне, территория которой служила плацдармом для миротворческих усилий западноафриканских стран, стремившихся прекратить устроенную войсками НПФЛ кровавую бойню в Монровии после убийства Доу. Союзники из Объединенного революционного фронта (ОРФ) под руководством Фоды Санко и Сэма Букарне по прозвищу Москит на целых десять лет ввергли Сьерра-Леоне в жестокое кровопролитие, окончившееся только два года назад с прибытием миротворческих сил Британии и ООН.

Источником финансирования авантюры Тейлора в этом политически нестабильном регионе служили алмазы, наркотики и древесина, которой изобилуют районы вдоль границы между Сьерра-Леоне и Либерией. Либерийские боевики и солдаты-подростки беспрепятственно пересекали “прозрачную” границу и там свободно торговали оружием и награбленным на войне имуществом. Начались локальные конфликты, породившие перекрестные потоки беженцев, втянутых в трагический круговорот событий.

Кот-д'Ивуар, некогда маяк надежды и один из крупнейших в мире производителей какао, также стал жертвой гражданских раздоров, что привело

ЛИБЕРИЙЦЫ ГЛУБОКО ТРАВМИРОВАНЫ ПРОИСШЕДШИМ. ИМ НУЖНО ВНОВЬ ОБРЕСТИ ПРЕЖНИЙ РИТМ ЖИЗНИ, СВОИ МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ И ПРАЗДНИКИ.

Он, однако, добавляет: “Проблемы Либерии нельзя рассматривать только в пределах 14-летнего отрезка времени, когда в стране царил насилие. Проблемы Либерии начались с самого ее основания в 1847 г. с прибытия Американского общества колонизации... Либерийцам необходимо осознать свою либерийскую самобытность. Определенная часть населения Либерии, пытающаяся контролировать политическую и экономическую жизнь страны, склонна следовать американским образцам и вообще слишком оглядывается на Америку в ущерб интересам остальных либерийцев”.

Либерия, что означает “Земля свободных”, была основана освобожденными африканскими рабами из Америки, принявшими конституцию, составленную по образцу конституции Соединенных Штатов. Несмотря на различное этническое происхождение, большинство населения говорит на либерийском английском языке. В ряде мест среди жителей еще сохранилась приветливость, особенно в симпатичном портовом городке Харпер на востоке страны, где горожане здороваются с незнакомыми на улицах. В Харпере много живописных домов и полдюжины церквей, напоминающих юг США довоенных времен. Прямо как декорации из фильма “Унесенные ветром.” Большая часть страны покрыта величественными трехъярусными влажными тропическими лесами.

к нестабильности во многих африканских странах. В сентябре 2002 г. провалившийся бунт перерос там в полномасштабный мятеж. Враждующие группировки в Кот-д'Ивуаре вербовали либерийских боевиков, а Тейлор, по слухам, предоставил телохранителей погибшему позднее ивуарскому генералу Роберу Ге.

Сейчас в Харпере гуманитарные агентства пытаются собрать по крупицам показания очевидцев о массовой расправе в окрестностях Фритауна, либерийского поселка на границе с Кот-д'Ивуаром. По их словам, в августе прошлого года вооруженные люди прибыли сюда на вертолетах и истребили 359 жителей в деревнях, поставлявших либерийских бойцов правительственным войскам в Кот-д'Ивуаре. Всех убитых потом похоронили в общей могиле. Полное расследование данных событий не проводилось, потому что в этом районе еще не развернуты силы ООН. Сообщение об этом случае, хотя и неподтвержденное, свидетельствует о тревоге либерийцев по поводу безопасности в стране и о том, как они напуганы в этой обстановке почти полной безнаказанности.

ТЯГА ДОМОЙ

Туда, где появляются силы ООН, начинают возвращаться изгнанники. Они прибывают из расположен-

S. DAS/AP/DP/LBR-2003

ных в соседних странах лагерей беженцев, приютивших 350 тыс. либерийцев, или из 20 центров размещения ВПЛ, где находятся еще 300 тыс. человек. Организованную репатриацию из лагерей беженцев УВКБ ООН планировало начать в октябре. А пока оно приступило к осуществлению согласованных с общинами проектов по восстановлению самых необходимых услуг, чтобы дать людям хотя бы скромный доход.

Вместе с ООН в страну прибыли и агентства по оказанию гуманитарной помощи. В Сарканнеду на средства, предоставленные Агентством ООН по делам беженцев, японская организация “Ветер мира” начала восстанавливать школы. Японцы также выдают 700 беднейшим семьям комплекты материалов для сооружения жилья, восстанавливают объекты водоснабжения и санитарии.

В близлежащие Гбарнгу и Воинджаму в северных округах Лофа и Бонг беженцы возвращаются, несмотря на отсутствие инфраструктуры. “Нам не хватает всего”, — говорит Эстер Уокер, мэр Гбарнги, “кабинет” которой расположен просто под деревом.

В район Харпера также вернулись тысячи либерийцев из Кот-д’Ивуара. Там уже открылись магазины и рестораны. Датский Совет по делам беженцев приступил к восстановлению школ и больниц. Другой проект дает возможность жителям Харпера за доллар в день участвовать в работах по расчистке дорог и каналов и ремонту портового маяка. Международный комитет Красного Креста раздает крестьянам махаче и семена в рамках программы помощи перемещенным лицам в постепенном восстановлении нормальной жизни.

“Либерийцы глубоко травмированы происшедшим. Они были свидетелями стольких убийств, их женщин насиловали, дома грабили. Им нужно вновь обрести свой прежний ритм жизни, свои маленькие радости и праздники”, — говорит сотрудник МККК Марк Бюниш.

ПРЕКРАТИЛСЯ ЛИ НАКОНЕЦ ЛИБЕРИЙСКИЙ КОШМАР?

Некоторые главы повстанцев публично принесли извинения за свое участие в конфликте — это люди вроде Джошуа Блэя, ранее известного под именем “голый генерал”, который командовал отрядом бойцов, шедших в атаку в чем мать родила, считая, что это делало их неуязвимыми для хорошо вооруженных врагов в ходе ожесточенных боев в Бьюкенене, Какате и Тубманбурге. Теперь он стал евангелистом и носит модные европейские костюмы.

Хотя Тейлор ушел, его сторонники остались. Лидеры МОДЕЛ и ЛУРД слабо контролируют своих людей на местах. В Воинджаме бывшие комбатанты или члены ЛУРД время от времени палат по ночам из автоматов, чтобы испуганные жители покинули свои дома и эти дома можно было грабить. Такая же тактика запугивания применялась и во время войны. Людей из ЛУРД и МОДЕЛ в этих местах считают просто отморозками. Они носят футболки, баскетбольные кеды, темные очки, всяческие кричащие побрякушки и раскатывают по деревьям на мопедах. Они наводят страх на репатриантов в пунктах пересечения гвинейской и ивуарской границ и вымогают “налоги” у сельских жителей.

Тейлор больше не рассматривается как угроза, покуда он лишен возможности вступать в контакт со своими бывшими соратниками в Либерии, говорит Окелло, который впервые приехал в Лиерию в 1991 г. и во время работы с беженцами на местах не раз был на волосок от гибели от рук людей Тейлора. «Однако за четырнадцать лет режима Тейлора в стране появились тысячи других “чарльзов тейлоров”». Они-то, по словам Окелло, и представляют угрозу для будущего Либерии, если только не улучшатся политические и экономические условия. Неясно и другое: как поведут себя соседи по отношению к ослабленной Либерии. ■

Западноафриканские миротворцы наблюдают за возвращающимися домой либерийцами.

В лагере беженцев в Смарре, близ Тиндуфа, Алжир, Эль-Галия в ответ на вопрос о том, что она будет делать, когда после десятилетий изгнания встретится со своими близкими, оставшимися в Территории Западная Сахара, плачет, смеется и изображает жестами объятия. Лагерь носят названия сахарских городов Территории, откуда прибыли беженцы.

Западная Сахара

Когда семьи, разлученные вот уже почти три десятилетия из-за конфликта по поводу суверенитета над Территорией Западная Сахара, могут хотя бы короткое время пообщаться благодаря программе семейных визитов УВКБ ООН, накал эмоций очень высок. Уход Испании из Западной Сахары в 1975 г. и возникший вслед за этим конфликт из-за контроля над данной территорией вынудили, по оценкам, 165 тыс. человек бежать через границу в Алжир, что создало один из самых затяжных в мире кризисов с беженцами. Живя последние 28 лет в продуваемых всеми ветрами и изолированных от мира лагерях вокруг Тиндुфа в юго-западной части Алжира, эти беженцы почти полностью потеряли связь со своими родственниками, оставшимися в Территории. Поэтому, когда Агентство ООН по делам беженцев в марте этого года начало свою пятидневную программу семейных визитов, направленную на восстановление контактов между беженцами и их близкими в Территории, тут были и слезы радости, и волнения в связи с предстоящей встречей. Программа посещений оказалась весьма популярной – уже более 800 человек посетили своих родственников и еще 18 тыс. записались на такое посещение. Фотокорреспондент УВКБ ООН Сьюзи ХОППЕР запечатлела эти моменты во время своей недавней поездки в регион.

В Территории, в тенистом переулке города Смарра, Мохаммед Фатхиль с беспокойством ждет прибытия своих дочерей Эль-Галии, Агбанами и пятерых внуков, которых он никогда не видел. Мохаммед узнал об их приезде только накануне и спешно приготовил во дворе угощение. Серебряные подносы с инжиром и миндалем расставлены на пестрых коврах, которые расстелены прямо на земле, а перед собой старик-отец выстроил в ряд чайники.

Когда машина ООН с долгожданными родственниками наконец прибывает, встречающие женщины начинают вскрикивать и отбивать свои племенные ритмы на перевернутых ведрах. Прибывшие попадают в водоворот объятий, многие плачут. Члены семьи отхлебывают из расписных деревянных пиал верблюжье молоко и передают их по кругу, а одна из женщин окропляет собравшихся благовоениями. И температура воздуха, и эмоции достигают такого накала, что одна женщина в конце концов теряет сознание и с глухим стуком падает на землю.

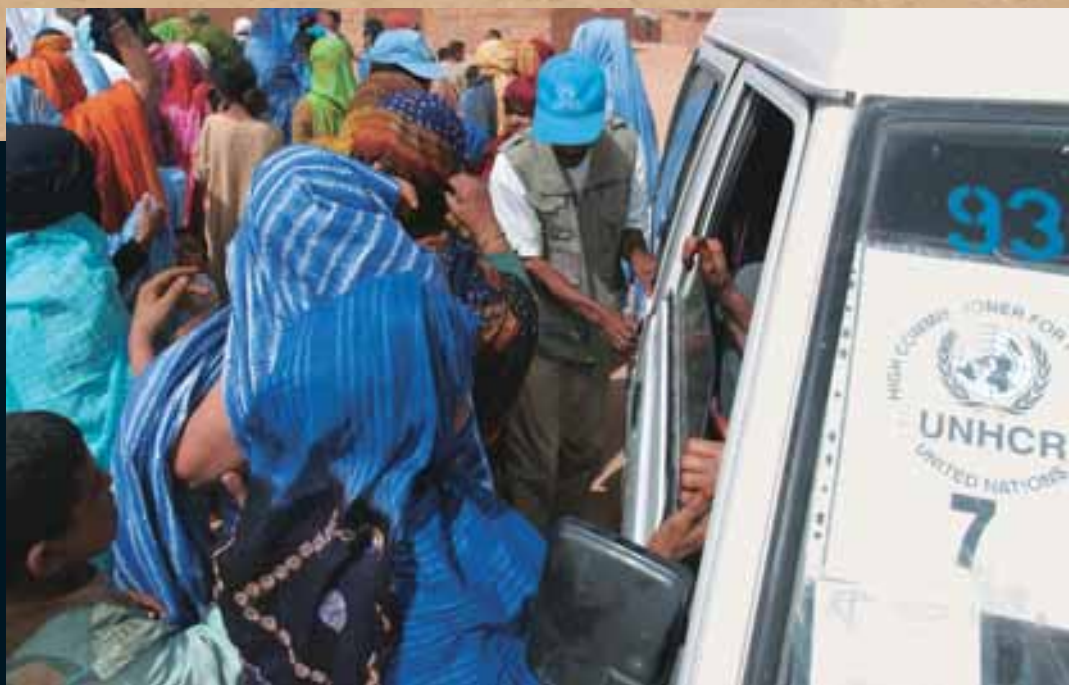

Когда Ан-26, предоставленный Миссией ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС), вырывается к взлетной полосе, а затем отправляется в свой одночасовой перелет, многие беженцы держатся напряженно. Джамаль Каваш, сотрудник МООНРЗС по контролю за передвижением людей, прогуливается вдоль кресел, успокаивая нервничающих пассажиров. Многие из них летят на самолете впервые. Опытная украинская стюардесса щедро раздает гигиенические пакеты.

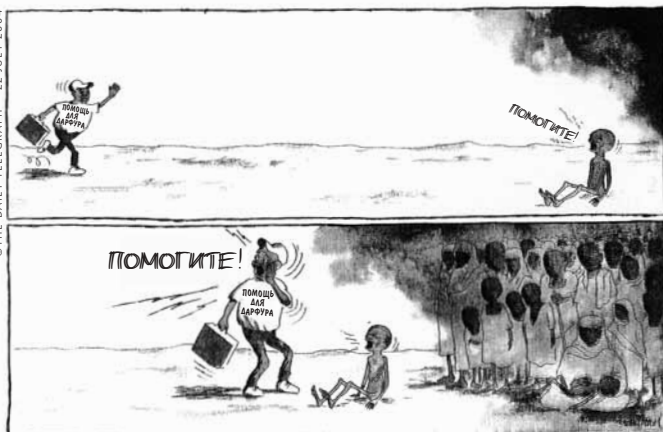

Не менее горячий прием, чем по ту сторону границы, ожидает и родственников с Территории, прибывающих в гости к своим близким в лагерь для беженцев. Толпы беженцев окружают машину ООН, люди начинают на радостях танцевать и петь, толпу окропляют благовоениями. Наконец водитель, сотрудник ООН, просит всех успокоиться и отойти от машины.

© THE DAILY TELEGRAPH — 22 JULY 2004

“Каждому из этих перемещенных лиц в ближайшее время потребуется ежедневный рацион питания. Им нужны питьевая вода и соответствующие санитарные условия. Ясно, что это не список рождественских пожеланий. Это всего лишь перечень того, что необходимо для спасения жизни 1,2 млн. человек”.

Из заявления заместителя Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам Яна Эгеланда в Совете Безопасности ООН в отношении кризиса в Дарфуре, западном районе Судана.

“Кровью безумной бойни в Руанде огажены не только руки тех, кто размахивал мачете. Пятно ложится и на тех, кто ничего не сделал, чтобы остановить эти убийства”.

Ричард С. Уильямсон, представитель США в Комиссии ООН по правам человека в Женеве.

“Около 5 млн. человек за последние пять лет смогли или вернуться домой, или найти другое место, для того чтобы

начать жизнь сначала. Для них эти сухие статистические данные означают особую реальность — окончание долголетнего пребывания в изгнании, начало новой жизни и надежды на будущее”.

Верховный комиссар Рууд Любберс о значительном снижении числа беженцев и других лиц, которыми занималось Агентство в 2003 г., когда был достигнут самый низкий показатель за последние десять лет.

“Тяжело было видеть, как плачет мужчина, годившийся мне в отца. Но для меня эти слезы радости были своего рода наградой”.

Сулейман Момоду, сотрудник УВКБ ООН по вопросам общественной информации, который сопровождал последнюю группу репатриантов из Либерии в Сьерра-Леоне.

“Мне грустно от того, что я, представительница Ирака, нахожусь здесь и обращаюсь за помощью, вместо того чтобы оказывать помощь. Ирак — богатая страна, и я верю в то, что с вашей помощью мы как можно скорее преодолеем нынешний хаос и снова будем гордой, многообразной и богатой страной, которая сама сможет помогать другим”.

Сорайя Ишио, иракский министр по делам перемещенных лиц и миграции, на встрече с донорами в Аммане, Иордания.

“Споры о том, называть ли это геноцидом или этнической чисткой, не меняют сути кризиса. Фактом остается то, что жизнь сотен тысяч людей находится под угрозой... и нужно предпринять какие-то действия”.

Джон Хеффернан, член бригады организации "Врачи за права человека", после своей двухнедельной поездки в Дарфур для ознакомления с положением беженцев в этом западном районе Судана.

REFWORLD 2004 — всесторонний свод актуальных документов, отобранных специалистами УВКБ ООН из материалов партнеров по обмену информацией по всему миру. Она размещается на выпускаемых два раза в год теперь уже не ЧЕТЫРЕХ, а ШЕСТИ компакт-дисках, причем без дополнительной платы.

Исследователи получают доступ к широкой подборке документов по вопросам предоставления убежища, даже не имея доступа в интернет. Новая поисковая технология и простая схема навигации обеспечивают быстрый доступ к примерно 90 тыс. содержащих полные тексты документов, в которых можно вести целенаправленный поиск. Предоставляемая информация включает широкий круг материалов — от страновых докладов правительств и неправительственных организаций до концептуальных документов УВКБ ООН с изложением политики и позиций, а также директивных установок по вопросам прав беженцев.

Пользователям доступны в автономном режиме свыше 400 документов юридического характера и сотни карт, которые не размещены на веб-сайте УВКБ ООН, наряду с полным каталогом библиотеки УВКБ ООН, содержащим более 17 000 наименований книг и журналов по проблемам беженцев, статей, докладов конференций и Словарь терминов по проблеме беженцев.

Подписка на:

- Выпуск 12, появившийся в июне 2004 г., и обновленную подборку (с новыми источниками информации), которая будет выпущена к концу 2004 г.
- Полный комплект из двух наборов компакт-дисков REFWORLD 2004.

Цена:

- 150 долл. США для государственных, научных и учебных учреждений, организаций системы ООН, библиотек, коллегий адвокатов;
- 75 долл. США для неправительственных организаций, юридических консультаций, отдельных лиц или юристов, работающих с беженцами и людьми, ищущими убежище.

При заказе пяти или более комплектов предоставляется скидка в размере 30% полной стоимости.

Системные требования:

ПК на базе процессора Pentium или совместимого с ним; минимальный объем ОЗУ 32 МБ; ПО: Microsoft Windows 98, NT, ME, 2000 или XP; Microsoft Internet Explorer 5.x или следующая или Netscape 4.x или следующая; Adobe Acrobat Reader 4.x или следующая; CD-Rom.

REFWORLD предназначен для использования на автономном компьютере.

для заказа или
получения
дополнительной
информации

UNHCR

Department of International Protection
Protection Information Section
P.O. Box 2500 — CH-1211 Geneva 2

Тел.: +41.22.739-8142

Эл. почта: HQPR11@unhcr.ch

Факс: +41.22.739-7344

www.unhcr.ch/refworld

К нашим читателям

В последние годы в оформление и содержание журнала **"БЕЖЕНЦЫ"** был внесен ряд изменений. Мы полагаем, теперь журнал имеет более привлекательный внешний вид и освещает гораздо больше связанных с беженцами проблем.

Однако нам хотелось бы услышать ВАШЕ мнение на этот счет, и поэтому мы просили бы вас уделить несколько минут, для того чтобы заполнить нижеследующий вопросник и отослать его нам по адресу:

UNHCR Publications Unit
REFUGEES Magazine Survey
P.O. Box 2500
1211 Geneva 2, Switzerland

1. Сколько номеров журнала **БЕЖЕНЦЫ** вы прочитываете?

- ☐ все ☐ большинство ☐ некоторые

2. Используете ли вы журнал в качестве источника информации, ссылаетесь ли на него?

- ☐ да ☐ нет

3. Сколько людей читают номер, который вы получаете?.....

4. Что вам больше всего нравится в журнале?

.....
.....
.....
.....
.....

5. Что вам меньше всего нравится в журнале?

.....
.....
.....
.....
.....

6. Какого рода статьи вы предпочитаете? Пожалуйста, расположите их по степени предпочтения:

- Представляющие общечеловеческий интерес рассказы о самих беженцах и людях, оказывающих им помощь
- Анализ крупных проблем, связанных с беженцами
- Подробные сообщения аналитического характера об операциях УВКБ ООН в разных районах мира
- Краткие материалы по общим проблемам беженцев
- Фотоочерки
- Страничка о странах и людях
- Центральный разворот с картой мира
- Рубрика "Дословно"

7. Актуально ли содержание получаемого вами номера журнала и отражает ли оно самые последние события?

- ☐ да ☐ нет

8. Читаете ли вы журнал на веб-сайте УВКБ ООН?

- ☐ да ☐ нет

9. В общем считаете ли вы, что журнал **БЕЖЕНЦЫ** :

Написан хорошим, доступным языком? ☐ да ☐ нет

Привлекательно выглядит и хорошо оформлен? ☐ да ☐ нет

Прочее

.....
.....

10. Готовы ли вы подписаться на журнал, чтобы помочь возместить затраты на издание и почтовые расходы?

- ☐ да ☐ нет

11. Что, на ваш взгляд, мы можем сделать, чтобы журнал **БЕЖЕНЦЫ** больше отвечал вашим запросам?

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

12. К какой категории читателей вы относитесь?

- ☐ Сотрудник УВКБ ООН ☐ Работник НПО ☐ Государственный служащий
- ☐ Учащийся ☐ Беженец
- ☐ Прочее

Благодарим вас за содействие.

